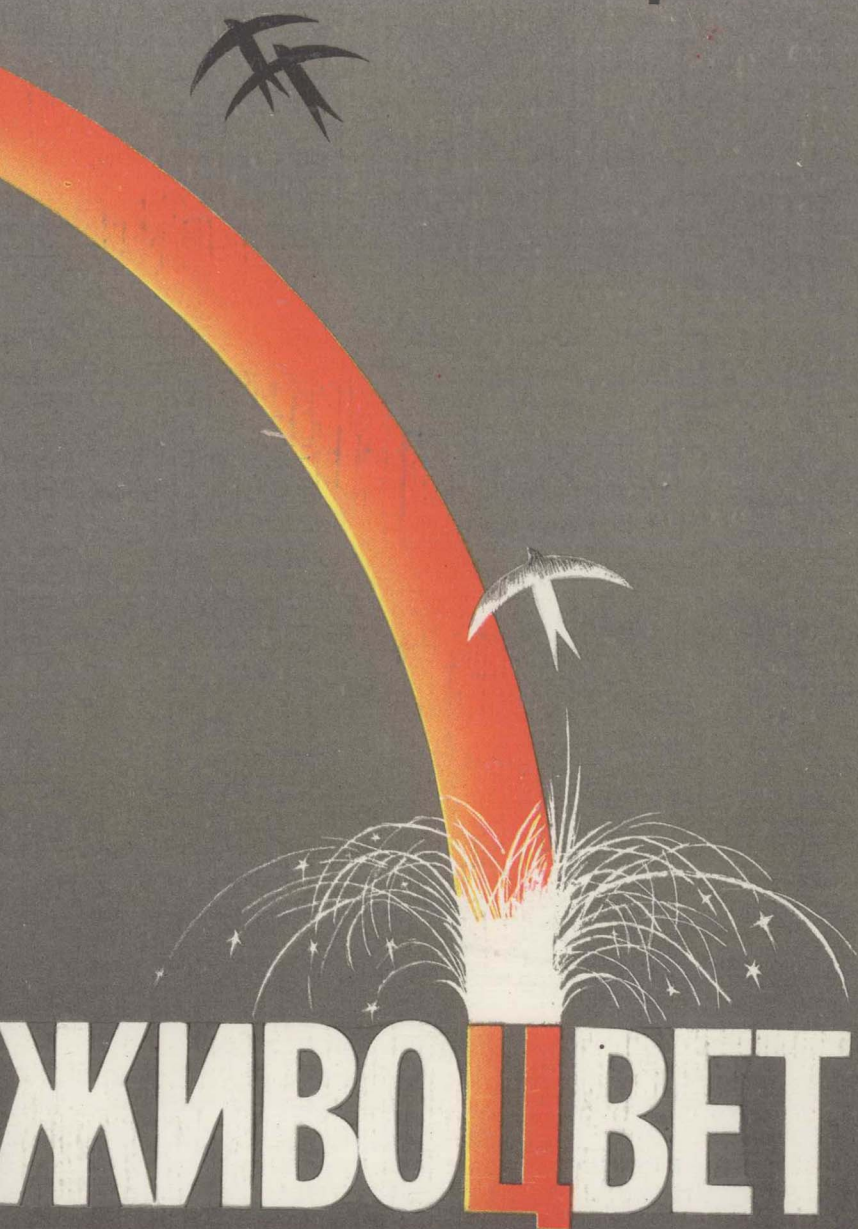

Степан
Грамзин

ЖИВОЦВЕТ

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Живецвет <i>Повесть</i>	7
РАССКАЗЫ	
Добытчики	192
Сапоги	199
Постояльцы	206
Сирота	210
Сестры	218
Милостыня	224
Возвращение	229
Коршуны	241
Развилка	248
Любовь живых	253
Часть первая	253
Часть вторая	268
Письмо без ответа	277
Встреча навсегда	283

СТЕПАН АЛЕКСЕЕВИЧ ГРАМЗИН

ЖИВОЦВЕТ

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

Заведующий редакцией *А И Белинский* Редактор *А А Девель* Младший редактор *Н С Елисеева* Художник *Л А Унрод* Художественный редактор *В А Баканов* Технический редактор *М. А. Хомич* Корректор *М В Иванова*

ИБ № 3550

Сдано в набор 04.03.86. Подписано к печати 16.07.86. М 29655. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,54. Уч.-изд. л. 16,03. Тираж 50 000 экз. Заказ № 364. Цена 1 р 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

**Степан
Грамзин**

ЖИВОЦВЕТ

**ПОВЕСТЬ
И
РАССКАЗЫ**

ЛЕНИЗДАТ • 1986

Грамзин С. А.
Г76 Живоцвет: Повесть и рассказы. — Л.: 1986. —
288 с

Герои повести С. Грамзина — наши современники, рабочие большого алюминиевого завода. Автор — бывший детдомовец, один из тех, кого сегодня называют детьми войны. Он сам работал на Волховском алюминиевом заводе и с глубоким знанием отображает жизнь и труд близких ему людей. В книгу включены также рассказы «Добытчики», «Сапоги», «Постояльцы», «Сирота» и др. Небольшой очерк о жизни и творчестве С. Грамзина написан Василием Росляковым.

Г $\frac{4702010200-167}{M171(03)-86}$ 314—86

84.3(2)7

© Издательство «Современник», 1981
© Оформление, «Лениздат», 1986

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Писательская судьба Степана Грамзина складывалась медленно и трудно. Лишь с десятков лет тому назад, на первом совещании московских молодых авторов, он привлек своими рассказами внимание руководителей семинара. Это была спокойная, плотная проза, без всякой претензии на «художественность» и красноречие, которые так часто встречаются у молодых, даже одаренных литераторов. Все в ней было просто, естественно, как в самой жизни, однако изнутри ее как бы просвечивала истинная поэзия, боль и волнение чуткого, отзывчивого сердца.

Прочитав после этой множество книг, я до сих пор вижу перед глазами тех обездоленных войной ребятшек, ту телегу, едущую по размытой дороге, картошку, которую везут ребята в детский дом. Не стираются они в памяти, потому что я столкнулся с правдой нелегкой жизни, которую прожил сам автор. За этими рассказами стояло детдомовское детство писателя, за другими его сочинениями — жизнь рано приобщенного к труду подростка, молодого паренька, потом — уже повзрослевшего человека. Нет, С. Грамзину не занимать жизненного опыта и впечатлений. Слишком рано он почувствовал на своих плечах нелегкий груз не взгод, испытал радость больших и малых преодолений, приобщился к святому трудовому братству советских людей.

В трудные годы войны, когда многие мальчишки и девчонки остались без родителей, Степан воспитывался в детских домах Калининской и Яро-

славской областей. Потом закончил ремесленное училище, много лет обжигал шихту в горячем цехе Волховского алюминиевого завода — первенца отечественной цветной металлургии.

Рука об руку с работой шла учеба — с четвертого по десятый класс он занимался в вечерней школе. Позднее юноша приходит в литературное объединение «Молодой Ленинград». Пишет очерки о казахстанской целине, на которой побывал сам.

В 1959 году он поступает в Литературный институт имени А. М. Горького и со второго по пятый курс получает Ленинскую стипендию. Через десять лет «Московский рабочий» выпускает книгу С. Грамзина «Крещение огнем». Предисловие к ней написал лауреат Ленинской премии Олег Николаевич Захаржевский, работавший директором того самого Волховского алюминиевого завода, на котором когда-то трудился будущий писатель.

Так начинался творческий путь Степана Грамзина. Разумеется, жизненный опыт еще не делает пишущего писателем, он является только условием развития и становления таланта. А что Грамзин щедро одарен природой, в этом не было сомнения еще в пору его первых рассказов.

Сейчас в авторе «Живоцвета» можно видеть писателя уже вполне сложившегося. Тема рабочего класса для него — не просто дань времени, а естественное обращение к своему личному опыту рабочего горячего цеха. Пути становления характеров молодых рабочих, героев повести, формирования их личностей, гражданского самосознания, высоких нравственных качеств — это как раз те самые пути, которые прошел и автор. Потому так достоверны молодые герои повести, так достоверна жизнь бригады спекальщиков, работающей на огненной площадке. Главный герой — бригадир Виктор Суржиков — один из тех беспокойных людей, которые составляют цвет современной советской молодежи. Он не может жить по принципу: «день-ночь — сутки прочь», не терпит топтания на месте, не успокаивается на достигнутом.

Да, было время, когда одну печь обслуживало двое, а то и трое спекальщиков. Теперь у печи работает один. Но для Суржикова и это не предел. Он ставит перед парторгом Высоцким вопрос об обслуживании двух печей одним спекальщиком. В бригаде возникает конфликт. Из пяти человек только один — Егор Огневенков — поддерживает начинание Виктора. Остальные привыкли к званию передовиков, хотят спокойной жизни, не прочь и поспекулировать на трудностях «горячей» специальности, чтобы урвать лишний рубль. Эмо-

ционально несдержанный, вспыльчивый Суржиков, не выбирая слов, рубит сплеча в других цехах нехватка в людях, а тут «шесть лбов» бьют баклуши, ходят руки в брюки, да еще и зарятся на дополнительные рубли.

Молодому порывистому бригадиру вовремя оказывает помощь парторг цеха. Поддерживая замысел Суржикова, он в то же время умирляет его максимализм. Не слишком ли ты строг к людям? — говорит он Виктору. — С людьми надо обращаться так, как будто они лучше того, чем есть на самом деле. И тогда каждый из них горы может свернуть.

И вот создается наконец «экспериментальное» звено из трех спекальщиков вместо шести. Виктор Суржиков, Егор Огневенков... но кто же третий?

Повесть начинается со дня, когда на завод приходят выпускники технологического института Шура Аникина и Марийка Федорова. Шура и становится третьим членом звена.

Разнохарактерные девушки с ходу оказались включенными в «огненный» конфликт, в котором они и прошли первую закалку, положившую начало формированию в них «рабочей косточки», чувства ответственности за общее дело.

В конечном счете становится ясно, что устаревают, приходят в негодность не только старые методы, нормативы и тарифы, но морально «изнашиваются» и сами производственные отношения людей. Не по произволу автора, а сама жизнь, воссозданная им, срывает маски с таких «уцененных» людей, как Сергей Коломейцев и Юрий Лукшин. В свете социально-нравственного конфликта эти люди как бы самопроявляются и начинают чувствовать свое несоответствие духу и ритму времени.

Наряду с созданием характеров молодых рабочих следует признать творческой удачей автора и образ парторга Высоцкого. Здесь писатель не повторяет «парткомычей» из некоторых «производственных» повестей и романов, а естественно и правдиво показывает самую сущность руководящей роли партии в нашей повседневной жизни.

«Главное, товарищи, крупнее думайте, крупнее!» — в этих словах известного ученого, прошедшего школу жизни на родном алюминиевом комбинате, пожалуй, заключен пафос и смысл повести «Живоцвет». И старый коммунист надеется видеть в Викторе Суржикове, сыне своего погибшего на войне друга, не просто «хорошего рабочего», но человека неравнодушного, открывающего непознанное в мире, безраздельно отдающего себя людям, делу «Коммунист, Витя, — обращается он к бригадиру, — это человек, который не от сих до сих, а который весь в деле! Весь! Потому что дело наше не для себя

только, а для народа. Слова эти старые, но самые, брат, важные. Партийность — это, брат, подвижничество души».

Очень к месту в этой повести и реальное историческое лицо — знаменитый русский художник Павел Корин, который сдружился с рабочими, путешествовал с ними по реке, бывал в горячем цехе. Он видел, как разливают алюминий, стоял как зачарованный, следя за светящимися солнечными потоками, и вдруг воскликнул: «Живоцвет!»

Думается, этот эпизод очень значителен и органичен в повествовании. Герои С. Грамзина меряют свою жизнь высокими эстетическими категориями. Они — наши молодые современники — своим личным примером, творческим отношением к делу показывают, как надо укреплять трудовую и технологическую дисциплину, поднимать качество работы, повышать производительность труда, жить жизнью, достойной высокого звания рабочего.

ВАСИЛИЙ РОСЛЯКОВ

ЖИВОЦВЕТ

повесть

Лето стояло на редкость знойное, изнурительное: дождей не было с самой весны. Лишь в душные вечера, когда с Ладоги тянуло прохладой, на западе показывались тучи, слабо доносились раскатистые громы и на горизонте зацветали слепящие молнии...

В конце июля жара совсем ошалела. Раскаленное солнце жгло нещадно, вокруг Гостинопольска неделями бесновались пожары — дымили торфяники, с треском и стоном падали обугленные деревья. Огонь расползался по окрестным лесам. Люди задыхались от мглистого горького дыма и густой пыли, вспоминали войну, когда фашисты с утра до вечера обстреливали из тяжелых орудий комбинат, плотину, электростанцию, мосты и жилые кварталы... И только изредка, перед рассветом, когда Гостинопольск еще спал, слабый предутренний ветерок разгонял над городом удушливую наволочь дыма. В эти минуты выпадали удивительно обильные росы, и в тяжелых, литых каплях уже просвечивала ржавчина — предвестница скорого листопада.

В такое вот свежее от выпавшей росы утро подружки-одногодки Шура Аникина и Марийка Федорова встретились у главной проходной алюминиевого комбината и пошли в отдел кадров оформляться на работу.

Начальник отдела — внимательно-льстивый бодрячок, — выслушав девушек, воскликнул: «А что, нам такие нужны!» — после чего долго гонял их по разным службам, будто давая понять, что он один тут хороший, а все остальные занимают места лишь для того, чтобы отбить у новичков желание поступить на работу. Наконец, набегавшись по этажам и кабинетам, подружки оказались перед плешивым старичком в черных очках, висевших на кончике птичьего носа. Он выдал им под расписку новенькие постоянные пропуска в гладких восковых корочках, подытожив:

— Все!.. Теперь вы — наши, комбинатские!

Шура отошла в сторонку, к окну, раскрыла пропуск и долго, словно диковинку, разглядывала его: Государственный герб, название предприятия, фотография предъавителя, печать, фамилия, имя, отчество.

— Ишь ты, Аникина Александра Матвеевна! — уехнулась Шура.

Марийка с явным безразличием повертела в руках свой пропуск и, словно не зная, куда его девать, хлопала им по ладони:

— Радуюшься? Давай, давай. Ребят здесь навалом. Может, хорошего найдешь.

— Оставь свои шуточки, — спокойно отозвалась Шура и спросила: — Ну что, в цех пойдем?

— А куда еще? Не на танцы же... — Марийка кивнула в конец коридора. — Проходная там... Другой дороги у нас теперь нет.

Девчата по привычке бережно поправили и без того аккуратные прически, — с утра побывали в парикмахерской, — оглядели друг дружку: все ли ладно на них — и, как вполне самостоятельные люди, деловито зашагали по длинному, словно туннель, коридору с множеством дверей, обитых черным дерматином.

В вестибюле, перед проходной, Шура и Марийка с показной небрежностью предъявили вахтеру пропуска. Однако старичок, давно утративший интерес к своим обязанностям, даже не взглянул на них, а лишь лениво махнул рукой: ступайте, вот весь и сказ.

Подруги засмеялись и побежали по аллее к своему участку — самому крупному на комбинате, первому глиноземному. Первому не только по порядку, но и по значимости.

По обеим сторонам широкого, как улица, тротуара, выложенного бетонными плитами, на стыках которых зеленели гивки травы, возвышались закопченные корпуса из красного кирпича. Возведенные еще в первые годы индустриализации, все они походили на массивные жилые дома того времени и отличались от них, пожалуй, только тем, что были между собой связаны в один квартал высокими переходными мостами, наклонными эстакадами, довольно хитрым переплетением больших и малых труб. От огня, выбрасываемого из огромных печей обжига, внутри корпусов, стекла в громадных окнах багрово отсвечивали, словно именно там, в этих помещениях, укладывалось на ночлег раскаленное солнце.

Девушки остановились у легкого здания из стекла и алюминия, которое казалось странным среди этих старых застроек: слишком серебристое, слишком нарядное, да еще когда вокруг резко пахнет щелочью, горячей окалиной и мазутом.

У подъезда, под большим, далеко выдвинутым бетонным козырьком, стояла новенькая черная «Волга» начальника участка. Худосочный дылда-шофер в выгоревшей до желтизны мичманке, заметив девчат, радостно заулыбался:

— Вот эт-то кадры!..

Шура и Марийка молча переглянулись и, звонко простучав каблучками по ступенькам, скрылись за стеклянной дверью.

— Кажется, нам на третий этаж,— сказала Шура.

— Кажется,— тихо повторила Марийка, разглядывая в вестибюле какие-то объявления.

Кабинет начальника первого участка Олега Николаевича Захаржевского, которому подчинялись два десятка отделений глиноземного и электролизного цехов, действительно был на третьем этаже. Прямо у окна за столом ярко покрашенная блондинка в ослепительно серебристой кофточке бойко стучала на машинке, передвигая по бумаге линейку в густых крапинках засохших чернил. Кроме секретарши в приемной сидели две женщины в замасленных халатах и трое парней в солдатских гимнастерках без погон. Посетители, разомлевшие от духоты и ожидания, не проявили никакого интереса ни к Марийке, ни к Шуре. Блондинка, не поднимая кукольной головы, скороговоркой отрезала:

— У Олега Николаевича совещание.

Марийка и Шура для приличия посидели в приемной несколько минут и вышли в коридор. Остановились у раскрытого окна с видом на комбинатский сквер. Внизу, за тяжелой, чугунной оградой, над кустами акаций возвышался бронзовый Киров — коренастый, в гимнастерке, перехваченной широким ремнем, с кепкой, зажатой в руке, он, как показалось Шуре, только что закончил свое выступление перед рабочими и вот прямо сейчас вместе с ними зашагает по пролетам цехов...

— Все! Труба нашей школярской житухе! — вздохнула Марийка, устраиваясь на подоконнике.

Шура не отозвалась. Она смотрела на памятник Сергею Мироновичу, на клумбу с увядшими цветами. Стало отчего-то грустно, хотя все складывалось вроде как надо. Киров принимал самое живое участие в строительстве комбината и хорошо знал ее отца, погибшего на дальневосточной границе. И Шура невольно подумала, что бы сказал отец, увидев ее здесь?! Боже, как давно это было!

— В какой цех направит нас Захаржевский? — спросила Шура.

— Какая разница? — зевнула Марийка. — Шея есть — хомут найдется.

— Давай проситься к Ковалеву, — предложила Шура. — Мы и практику у него проходили, людей знаем...

— Ни за что! — отрубила Марийка. — В горячий цех меня и калачом, и цветами не заманишь.

Из приемной Захаржевского один за другим выходили люди, и трудно было угадать, кто они: технологи или механики, мастера или бригадиры. В черных куртках и брюках, сшитых из грубой ткани, все они громко разговаривали, возбужденно жестикулируя, и напоминали шумную стаю грачей. По обрывкам фраз можно было понять: спор шел о работе спекальщиков.

Коридор вскоре опустел. Девчата вернулись в приемную. Из кабинета начальника участка выпорхнула блондинка и снисходительно разрешила:

— Проходите. Времени у Олега Николаевича в обрез.

Подруги, подталкивая друг дружку, нерешительно переступили порог залитого солнцем кабинета. Поздоровались. Захаржевский оторвался от технологической схемы, разостланной на столе, вежливо усадил новеньких в глубокие кожаные кресла, сам, как бы подчеркивая личную простоту, сел «верхом» на стул. Марийка протянула документы Олегу Николаевичу.

Пока он внимательно читал анкеты и просматривал оценки в дипломах, девчата огляделись. Кабинет начальника участка был просторным, две стены, поверх дубовых панелей, завешаны до самого потолка графиками, фотомонтажами, технологическими схемами, по которым знающий человек без труда мог проследить весь сложный процесс переработки нефелина в глинозем и переплавки его в алюминий.

Марийка, пристально глядя на схемы, отыскивала горячий цех. Она хорошо представляла себе эту огневую, с футбольное поле, площадку, эти исполинские вращающиеся печи, в которых безостановочно, днем и ночью, спекальщики обжигают нефелиновую шихту.

«Нефели» в переводе с греческого означает «голубое облако»... В огромных корпусах с прогорклым дымным воздухом, пройдя дробилки и шаровые мельницы, комковатый и пористый, как пемза, спек превращается сначала в жидкую кашу, потом в чистый, как морская

вода, раствор и, наконец, в белую, точно простокваша, пульпу, из которой получают сыпучую серебристо-белую крупчатку. И только в самом конце сложной технологической цепочки, в электролизных ваннах, врытых прямо в землю, и рождается из этой крупчатки крылатый металл — алюминий. Его аккуратные тушки, похожие на буханки хлеба, подают с изложниц транспортерами на автокары и везут в погрузочное отделение к вагонам, к вагонам, к вагонам...

— Учились в институте вы хорошо,— между тем начал Захаржевский, приглядываясь к девочкам.— Где проходили преддипломную практику?

— На вашем участке,— ответила Шура.— В горячем цехе.

— Вот и прекрасно! — Олег Николаевич встал, потирая руки, подвинул стул к стене.— Пойдете туда. Там позарез нужны операторы на дымососы. Я понимаю: предложение не из лучших, но других вакансий у меня нет... Пока нет.

Поначалу девочки было подумали, что начальник участка оговорился, спутал их с кем-то. Но как только он добавил, что в цехах, к сожалению, нет свободных должностей технологов, Марийка резко вскочила.

— Выходит, мы получим работу не по специальности?

— Ничего обещать сейчас не могу,— тихо, но твердо прервал ее Захаржевский.

Марийка по тону сразу поняла: Олег Николаевич — кремневый начальник.

— Тогда верните наши направления,— не скрывая раздражения, потребовала она.— Устроимся сами...

— Зря горячитесь,— спокойно возразил Захаржевский,— поймите и меня правильно. Я связан по рукам и ногам штатным расписанием, фондом зарплаты... Поработайте в коллективе, проявите себя... А уж потом...

— Знаем мы эти обещания,— зло продолжала Марийка — Мы не дуручки...

— Ну зачем вы так? — Захаржевский говорил все так же ровно.— Дело сложное, девушки. Если хотите, вы для меня пока — темные лошадки. Диплом — это хорошо, но здесь план, риск, производство.

— Это слишком! — вспылила Марийка и дернула Шуру за руку, требуя поддержки.— Ты чего молчишь? Или тебя не касается?

— Зачем без толку шуметь? — покраснела Шура, хо-

тя не меньше подруги была удивлена таким оборотом разговора.

— Золотые слова,— поддержал девушку Захаржевский, дружески тронув ее за плечо.— Я верю: все у вас будет хорошо... — Олег Николаевич ответил кому-то по телефону, что занят, а потом спокойно, как бы подводя черту, сказал: — Своего вы добьетесь.

— Слышали мы эти басни! — вновь уперлась Марийка.— Загоните в цех и забудете. У вас таких, как мы, сотни.

— Что верно, то верно. Я вот уже тридцать лет на комбинате, а всех своих в лицо не знаю,— сказал с сожалением Захаржевский.— Обидно даже. А ведь у нас на участке что ни человек — мастер. Да и какой!.. Недаром и комбинат трижды орденоносный — первенец алюминиевой промышленности страны. И вы не хныкать, а гордиться должны, что сюда направлены.— Олег Николаевич прошелся по кабинету от стола к двери и остановился перед девушками, поглаживая подбородок.— В каждом отделении у нас дел неупрощен. Беритесь за любое и доводите до конца, хоть до кандидатской диссертации. Я ведь, между прочим, вас, молодых специалистов, не просто так на дымососы посылаю, не из каприза. Ко мне уже не раз приходили хитрые химики с заречного завода и предлагали: продайте нам дым. Тот самый, что из труб идет, от печей спекания. Вот так, дорогие технологи. Из нашего дыма можно получить миллионы. Вот — разберитесь, предлагайте, заявите о себе! С какой стати мы отдадим наш дым за копейки, а дядя получит те самые миллионы? Не по-хозяйски получится, а? Вот вам, дорогие мои технологи, поле деятельности. А вы думали, я вам прозу предлагаю, какие-то дымососы... Оформляйте документы — и в цех. Работать будете в смене мастера Иконникова. Знаете его?

— Знакомы.

— Желаю удачи.— Начальник участка перекинул пиджак через руку.— Если что, заходите, не стесняйтесь. Я вас в обиду не дам.

Вышли в коридор.

— Добились своего,— зло усмехнулась Марийка, теребя зубами кончик носового платка.— Поздравляю! Что делать собираешься?

— Надо идти... Обязаны же мы отработать на комбинате три года...

— Обязаны! Кроме обязанностей, ничего и не осталось? Не пойму тебя: ты человек или кукла? Не могла за себя постоять.

— Перестань! — Шура первый раз повысила голос. — Кому-кому, а Захаржевскому известно, какие мы с тобой технологи.

— Да меня тошнит от одного вида спекальщиков! — простонала Марийка. — На практике нагляделась...

Именно в это время старый их знакомый бригадир спекальщиков Виктор Суржиков вместе с Иконниковым и парторгом цеха Высоцким вышел из какой-то комнаты.

— Здравствуйте, красавицы! — сказал Виктор удивленно, с обычной своей торопливостью, поправляя черную копну волос. — Не знаю, как вы, а я рад, что мы здесь встретились. Не все в Доме культуры мельком друг перед другом... Я вас сразу узнал. На работу устраиваетесь или прощаться пришли?

Марийка, не взглянув на Суржикова, подумала: «Шел бы своей дорогой! Только тебя тут и не хватало. Первым будешь зубы скалить, когда узнаешь, что нас загнали на дымососы».

— Чего ж молчите? — спросил Виктор, теперь, видимо, заметив их нерешительность. — Что произошло? Ну, откройтесь: какая кошка дорогу вам перебежала?

— Все прекрасно, — сказала Марийка. — Договариваемся вот, в какой цех идти. Электролизный или цементный?

— Идите лучше к нам, в глиноземный. Я серьезно! А сейчас — в кафе! Моя смена кончилась. Приглашаю!

— Спасибо, — буркнула Марийка уже не так уверенно и добавила вдруг: — Подумаем... Ладно, пошли... победитель!

ГЛАВА ВТОРАЯ

В воскресенье Виктор Суржиков проснулся ни свет ни заря. Отчего бы? Вставать в такую рань не хотелось, и он, заложив руки под голову, продолжал лежать на тонком матрасе, брошенном на пол посреди комнаты, — спать в такую жару на кровати было просто невозможно.

В доме стояла тишина, на улице — ни звука, будто все вымерло. «Валентина, наверное, на огороде, — подумал о своей сестре Виктор. — Опять поливает помидоры-огурцы. Может, помочь?»

Он потянулся до хруста в суставах, мечтательно закрыл глаза, задремал снова. Сквозь шаткий сон слышал, как сестра хлопнула дверью, как на кухне тихонько прозвенела посудой и села пить чай, шумно отхлебывая с блюдецка, и как приходила за солью набожная и бесцеремонная соседка бабка Груша. Сначала бабка долго и бестолково жаловалась сестре на «треклятую жисть», на блудодейку-продащицу, «кою давным-давно пора упечь в кутузку», потом прошептала:

— В город, Валентина, я теперича не ходок, стара стала. — Она любопытства ради заглянула в комнату — нет ли каких гостей — и добавила: — Братенник-то спит еще?

— Спит, — ответила сестра. — Ему завтра во вторую смену.

— Слава богу, — прошамкала старуха и вдруг захихикала. — Намедни Шурка Прощиха сказывала: Виктора на собрании рабочие почем здря костерили.

— Какая еще Прощиха? — удивилась Валентина.

— Бабенка одна. У Кошеваровых квартирует. Раздевалку на комбинате убирает... — Бабка Груша поперхнулась, прокашлялась в кулак. — Непокойный у тебя Виктор. Весь в батьку. Я его, антихриста, до сих пор забыть не могу. Потешался твой отец надо мной, как хотел... Запрещал молиться, пугал чертями, домовыми. Ты бы приструнила Витюху. Жалко парня: сирота, безотцовщина...

— У него своя голова на плечах. Чего стоишь-то? Садись чай пить.

— Спасибо. Мы почаевничали со стариком. Побегу домой, а то материть почнет. Мы ить с ним лаем, но живем мирно. Ты на базар?

Одна за другой проскрипели двери, и стало опять тихо. Виктор поднял голову, взглянул на часы-ходики, вспомнил вчерашний спор в горячем цехе, и настроение сразу испортилось. «Неужели сам все усложняю? Зря не поговорил с Высоцким. Он — свой человек, понимающий...»

Виктор прикрыл глаза, попытался снова уснуть, но думалось почему то о брошенных бабкой Грушей словах об отце. Фотография его висела в простой рамке на стене. Отец, застыв как бы, сидел на стуле, положив ногу на ногу. Рядом с ним, подобрав губы и положив ему на плечо руку, притихла магь. Она умерла рано, совсем молодой, от какой-то болезни. Вспоминая о ней, Виктор